

СТИХОТВОРЕНІЯ
А. С. ХОМЯКОВА.

Изданіе «Русскаго Архива»

СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

Только пасынокъ Россіи
Не поклонится тебѣ.



С. Кенжиков

Поэтъ, механикъ и филологъ,
Врачъ, живописецъ и геологъ,
Общины Русской публицистъ,
Ты мудръ, какъ змѣй, какъ голубь чистъ

писалъ про Хомякова другъ его Д. Н. Свербеевъ. Дѣйствительно, многосторонность Хомякова была необыкновенная. По словамъ Гоголя, поэзія служила лишь придаткомъ къ обилію его дарованій, а самъ онъ придавалъ значеніе только тѣмъ своимъ произведеніямъ, въ которыхъ выражалась его глубокая и многообъемлющая мысль.

1*

Основою поезіи Хомякова, какъ и всей его дѣятельности, была непоколебимая вѣра во всемірно-историческое значеніе Православія и Россіи. Его стихи—гимны Христіанства и Русскославянской народности.

Въ настоящемъ изданіи помѣщены и нѣкоторыя раннія его стихотворенія.

Хомяковъ родился 1 Мая 1804 года въ Москвѣ, скончался 23 Сентября 1860 года и похороненъ въ Москвѣ, на Даниловскомъ кладбищѣ.

П. Б.

Изода Белла.

Красавецъ островъ! Предо мною
Восходишь гордо ты въ водахъ,
Поставлень смертнаго рукою
На дикихъ, мраморныхъ скалахъ,
Роскошнымъ садомъ осыненный,
Облитый влагой голубой—
И мнится, изумрудъ зеленый
Обхваченъ чистой бирюзой.

Меня манить твой брегъ счастливый.
Онъ сладкихъ думъ, онъ нѣги полнъ...

→ 6 ←

Сидиши, спиши, пловецъ лѣнивый!
Лети въ зыбяхъ, мой легкій чолнъ!

Тамъ, межъ вѣтвей полу-сокрыты,
Лимоны золотомъ горять;
Какъ дѣвъ полуденныхъ ланиты,
Блится пурпурный гранатъ;

Тамъ свѣжихъ розъ благоуханье,
Тамъ гордый лавръ плѣняетъ взоръ,
И листья мирта трепетанье,
Какъ двухъ влюбленныхъ разговоръ.

Прелестный край! Все дышетъ Югомъ,
И тѣнь садовъ, и лоно водъ,
И Альповъ цѣпь могучимъ кругомъ
Его отъ хлада стережетъ;

И ярко въ небѣ блещутъ льдины,
И выше сизыхъ облаковъ
Восходятъ горы-исполины
Подъ шлемомъ дѣвственныхъ снѣговъ.

Не такъ ли, въ повѣстяхъ Востока,
Ирана юная краса
Сокрыта за моремъ, далеко,
Гдѣ чисто свѣтятъ небеса,

Гдѣ сонъ ея лелѣютъ Пери,
И духи водъ ей пѣснь поютъ?
Но мрачный Дивъ стоитъ у двери,
Храня таинственный пріютъ.

1826.

Хомяковъ, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ (гдѣ учился живописи) и возвращаясь домой, побывалъ въ сѣверной Италіи, въ Швейцаріи и въ Австріи (гдѣ познакомился съ западными Славянами).



П О Э Т Ъ.

Всѣ звѣзды въ новый путь стремились,
Разсѣявъ вѣковую мглу;
Всѣ звѣзды жизнью веселились
И пѣли Божію хвалу.

Одна, печально измѣряя
Никѣмъ незнаемы лѣта,—
Земля катилася нѣмая,
Небесъ веселыхъ сирота.

Она безъ пѣсень путь свершала,
Безъ пѣсень въ путь текла опять,

→ 10 ←

И на устахъ ея лежала
Молчанья строгаго печать.

Кто дастъ ей голосъ?... Лучъ небесный
На перси смертнаго упаль,
И смертнаго покровъ тѣлесный
Жильца безсмертнаго пріяль.

Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ;
И даль землѣ онъ голосъ стройный,
Творенью мертвому языкъ.

1827.



Отзывъ одной дамѣ.

Когда Сивиллы слухъ смятенный
Глаголы Фебовы внималъ,
И передъ дѣвой изступленной
Призракъ грядущаго мелькалъ,—

Чело сіяло вдохновеньемъ,
Глаза сверкали, гласъ гремѣлъ,
И въ прахъ, съ трепетнымъ волненьемъ
Предъ ней народъ благоговѣлъ.

Но утихалъ восторгъ мгновенный,
Смолкала жрица—и блѣдна,

Передъ толпою изумленной
На землю падала она.

Кто, видя впалыя ланиты
И взоръ безъ блеска и лучей,
Узналъ бы тайну силы скрытой
Въ пророчицѣ грядущихъ дней?

И ты не призывай поэта!
Въ волшебный кругъ свой не мани,
Когда, вдали отъ шума свѣта,
Душа восторгами согрѣта:

Тогда живетъ онъ; въ эти дни
Вмѣщаетъ все существованье;

→ 13 ←

Но вскорѣ, слабъ и утомленъ
И вихремъ свѣта увлеченъ,

Забывъ высокія созданья,
То ловить темныя мечтанья,
То, какъ дитя, сквозь смутный сонъ,
Смѣется и лепечетъ онъ.

1827.



П р о сь б а .

О, сжаьтесь надо мной! О, дайте волю мнѣ!
Изъ края дальняго волшебный зовъ несется,
И кровь моя кипить, и сердце буйно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ!
Вы видите: стремятся ополченья,
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ...
Туда, туда, въ кровавыя сраженья
Я полечу за ними въ слѣдъ.
Противна мнѣ дремота вѣги праздной,
И мирныхъ дней безжизненный покой,

Какъ путь въ степяхъ однообразный,
Какъ гробъ холодный и нѣмой.
Противно мнѣ безумное веселье,
Неупоенныхъ душъ притворное похмѣлье,
И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ!
О, сжаьтесь надо мной! Отдайте мечъ блестящій,
Отдайте бодраго и легкаго коня!
Въ тотъ край, куда летить мечты порывъ горящій,
Какъ вихрь, какъ мысль, онъ унесетъ меня!
На мигъ одинъ судьбины злой оковы
Рукой я смѣлю расторгъ:
И сердцу памятно сраженій блескъ суровый,

И торжества воинственный восторгъ....
Въ часъ утренней зари, румяной и росистой,
Услышать пушки гласъ, зовущій насъ къ боямъ,—
Глядѣть, какъ солнца лучъ златистый,
Играя, блещеть по штыкамъ;
Какъ вожьдъ сѣдой, отваги юной полный,
На срѣтенье врагамъ ведетъ покорный строй,
И движутся полки, какъ бурь осеннихъ волны;
И чувствовать тогда, что вѣренъ мечъ стальной,
Что длань сильна, что вихремъ конь несется
Подъ свистомъ пуль, средь дыма и огня,—
Что сердце гордое въ груди спокойно бьется,
Что этотъ дольний міръ не дорогъ для меня;

Что я могу, съ улыбкою презрѣнья,
На жизнь, на смерть и на судьбу взирать!..
О, эти сладкія мгновенья
Отдайте мнѣ, отдайте ихъ опять!

Я не хочу въ степи земной скитаться
Безъ воли и надеждъ, безвременный старикъ;
Какъ робкая жена, предъ рокомъ не привыкъ
Главой послушной преклоняться,
Внимать, какъ каждый день, и сгучень, и смѣшонъ,
Все тѣже сказки напѣваетъ,
И тихо душу погружаетъ
Въ какой-то слабоумный сонъ.

Я не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, не знающей морей,
И праздною истлѣвать кормою,
Добычей гнили и червей.

Но я хочу летать надъ бурными волнами
Могучимъ кораблемъ съ дружиной боевой;
Подъ солнцемъ гропика, межъ сѣверными льдами,
Бороться съ бездною и съ дикою грозой;
Челомъ возвышеннымъ встрѣчать ударъ судьбины,
Бродить по области и смерти и чудесъ,
И жадно пить восторгъ, и изъ сѣдой пучины
Крыломъ поэзіи вноситься до небесъ!

О, вот онъ, вотъ удѣлъ, давно желанный мною!
Отдайте-жъ мнѣ коня, булатъ отдайте мой!
Въ тотъ дальній край я полечу стрѣлю
И ринуся въ кровавый бой.

1828.

Поступивъ изъ конной гвардіи въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ, Хомяковъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ съ Турками 1828 и 1829 годовъ.



К л и н о к ъ .

Не презирай клинка стального
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

Мечи съ красивою оправой,
Въ златыхъ покояся ножнахъ,
Блистали тщетною забавой
На пышныхъ роскоши пирахъ;

А онъ, въ порывахъ бурь военныхъ,
По латамъ весело стучалъ

И на главахъ иноплеменныхъ
О Руси память зарубаль.

Но тяжкій мечъ, въ ножнахъ забытый
Рукой слабѣющихъ племень,
Давно лежитъ полу-сокрытый
Подъ ѣдкой ржавчиной времянь,

И ждётъ, чтобъ грянулъ голосъ брани,
Булата звонкаго призывъ,
Чтобъ вновь воскресъ въ могучей длани
Его губительный порывъ.

И тамъ, гдѣ мечъ съ златой оправой
Какъ хрупкій сломится хрусталь,

→ 22 ←

Глубоко врѣжетъ слѣдъ кровавый
Его синѣющая сталь.

Такъ не бросай клинка стального
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

1828.



С о н ъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ
И что пѣвецъ—пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все Свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И подъ перстомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердцецъ.

И какъ въ степи глухой живыя воды,
Такъ пѣснь моя ласкала жадный слухъ;
Въ ней слышенъ былъ и тайный гласъ природы,
И смертнаго горѣ парящій духъ.

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли,
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли,
Гремѣла пѣснь, и сладкій гласъ звучалъ.

Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ:
Но не замолкли струны золотыя,
И сладкій гласъ попрежнему звучалъ.

→ 25 ←

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ
И что пѣвецъ пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все Свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Базарджикъ.
3 Юля 1828 г.



Прощаніе съ Адрианополемъ.

Эдырне*, прощай! Уже болѣе мнѣ
Не зрѣть Забалканскаго края,
Ни синихъ небесъ въ ихъ ночной тишинѣ,
Ни роскоши древней Сарая,
Ни тѣни густой полуденныхъ садовъ,
Ни вась, кипарисы, любимцы гробовъ!

Эдырне! На стройныхъ мечетяхъ твоихъ
Орелъ возвышался двуглавый;

* Турецкое имя Адрианополя.

→: 27 :←

Онъ вновь улетаетъ, но вѣчно на нихъ
Останутся отблески славы!
И Турокъ въ мечтахъ будетъ зрѣть предъ собой
Тѣнь крыльевъ Орла надъ померкшей Луной!

Адрианополь,
7 Октября 1829 г.



И з ъ С а а д и .

(НА КУСОКЪ ЯНТАРЯ.)

Червь ядовитый скрывался въ землѣ:
Черныя думы таились во мнѣ.

Червь, изгибаяся, землю сквернилъ:
Грѣхъ ненавистный мнѣ душу тягчилъ.

Червь ядовитый облить янтаремиъ:
Весело взоры почиють на немъ.

Къ небу подьемлю я очи съ мольбой,
Грѣхъ обливаю горячей слезой.

Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печать,
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать.

1830.



Два часа.

Есть часъ блаженства для поэта,
Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно въ немъ согрѣта,
Какъ будто огненной струей:

Сверкають слезы вдохновенья,
Чудесной силы грудь полна,
И льются стройно пѣснопѣнья,
Какъ сладкозвучная волна.

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;

Когда въ груди его сберется
Миръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый миръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, просить словъ.

Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.

→ 32 ←

Вотще онъ стонетъ изступленный:
Ему не внимлетъ. Фебъ скупой,
И гибнетъ мiръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.



З и м а.

Поля покрылися пушистыми снѣгами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Какъ будто крадется невидимой стезей
Отъ утра поздняго до ранней тьмы ночной.

Прощайте, осени разгульныя забавы!
Прощай, призывный рогъ въ безмолвіи дубравы,
И легкій скокъ коня по доламъ и горамъ,
И звучная гоньба по утреннимъ зарямъ!

Когда пройдетъ зима? Когда увидимъ снова
Веселый цвѣтъ луговъ и поля озимова,

Лѣса, согрѣтые дыханіемъ весны,
И синеву небесъ надъ зеркаломъ волны?
Вотще, исполненный невольнаго томленья,
Чтобъ разогнать тоску и скуку заточенья,

Гляжу въ замерзшее и тусклое окно:
Вокругъ все холодно, и мертво, и темно!
Вдали шумить мятель, и на землѣ печальной
Раскинуть бѣлый снѣгъ, какъ саванъ погребальный.

Вокругъ все холодно, но что-жь? Въ груди моей
Теплѣ кровь бѣжитъ, и взоръ души свѣтлѣй.
Мечта пронулася, и чудныя видѣнья
Рисуеть предо мной игра воображенья.

Мнѣ помнятся края, гдѣ, путникъ молодой,
Я съ мирнымъ посохомъ и пылкою душой
Бродилъ среди картинъ и прелестей природы...
Скалы Швейцаріи, убѣжища свободы,

И роскошь Франціи, и ты страна чудесъ
И пламенныхъ искусствъ и радужныхъ небесъ,
Страна Италіи, гдѣ лугъ, и лѣсъ, и волны,
И дикихъ горъ верхи восторговъ сладкихъ полны!

Мнѣ битвы помнятся, гусаровъ шумный станъ,
Блестящей сабли взмахъ, погибель мусульманъ,
Марицы свѣтлый токъ, Эдырне горделивый,
И стройный минаретъ въ пустынь молчаливой.

2*

Но чаще помню я, забывши внѣшній міръ,
На лонѣ юности мой беззаботный пиръ,
Надежды смѣлыя, веселыя мечтанья,
Давно увядшіе цвѣты существованья,

И брата, и пѣвца, любимца чистыхъ Музъ,
И смертью раннею разорванный союзъ...
И съ памятью утратъ и прежнихъ наслажденій
Бѣгутъ потоки слезъ, стиховъ и вдохновеній.

1831.

Вспоминаются братъ Федоръ Степановичъ († 1828) и другъ
Д. В. Веневитиновъ († 1827).



На сонъ грядущій.

Давно ужъ за полночь, я лягу отдохнуть.
Пора мнѣ мирнымъ сномъ сомкнуть
Глаза усталые отъ бдѣнья,
И отъ житейскаго волненья
На время успокоить грудь.
Ложуся спать... Какою нѣгой чудной
Все дышетъ здѣсь!... Какъ сладко думать мнѣ,
Что конченъ день заботливый и трудный,
Что я могу въ безпечной тишинѣ
Лелѣять до утра веселыя видѣнья

И вольною мечтой свой новый міръ творить,
И средь роскошнаго творенья
Другою, дивной жизнью жить.
Пусть завтра вновь привычныя волненья!...
Пусть завтра вновь!.. Да кто-жь порукой въ томъ,
Что встанетъ для меня денница золотая?
Кто скажетъ мнѣ, что, засыпая,
Не засыпаю вѣчнымъ сномъ?
Быть можетъ, что востокъ туманный
Зажжется въ утренней зарѣ,
А на нѣмомъ моемъ одрѣ
Найдутъ лишь трупъ мой бездыханный.
Подумать страшно. Сонъ лукавъ!

Что если жизненныя силы
Коварной цѣпью связавъ,
Онъ передастъ ихъ въ плѣнъ могилы?
Что если чувство бытія
И страсти бурное волненье,
И мыслей гордое паренье
Въ единый мигъ утрачу я?

Я въ морѣ былъ, въ кровавой битвѣ,
На краѣ пропастей и скалъ,
И никогда въ своей молитвѣ
О жизни къ Богу не взывалъ;
Но въ тихій часъ успокоенья

Ударъ неожиданный получить,
На ложѣ темнаго забвенья
Украденнымъ изъ міра быть—
Противно мнѣ. Творецъ вселенной
Услышь мольбы полнощный гласъ:
Когда Тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангель-разрушитель,

Какъ гость издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣрить великана,
Боязнью грудь не задрожить,
И духъ изъ дольнаго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспарить.

1831.

Молитва была услышана: 23 Сентября 1860 года Хомяковъ
встрѣтилъ смерть сознательно и безропотно.



Д у м ы .

Тамъ были шумъ и разговоры,
И блескъ ума, и смѣхъ живой,
И юныхъ дѣвъ сіяли взоры
Свѣтлѣй, чѣмъ звѣзды въ тѣмѣ ночной;
И сладки рѣчи слухъ ласкали,
И былъ привѣтенъ блескъ очей.
Но думы бурныя роптали
Во глубинѣ души моей.
„Проснись! проснись! Мы призываемъ
Тебя отъ сновъ, отъ грѣзъ пустыхъ.
Проснись! Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!“

Проснися... Радость измѣняетъ,
И жизнь кратка, и хладенъ свѣтъ,
И не надолго утѣшаетъ
Его обманчивый привѣтъ.
А мы безсмертными вѣнцами
Могли-бъ главу твою вѣнчать,
Могли бы яркими цвѣтами
Межъ лавровъ Руси расцвѣтатъ!
Мы крыльями тебя обнимемъ,
И въ край поэзіи святой
Твой духъ восторженный поднимемъ
Мечтами, пѣснью и мольбой.
Проснися, проснися!... Мы призываемъ

Тебя отъ сновъ, отъ грёзъ пустыхъ.
Проснись!... Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!"

Молчите, пламенная думы!
Засните вновь на краткій срокъ.
Твердите напрасный мнѣ упрекъ
Вашъ голосъ строгій и угрюмый.
Меня не свяжетъ свѣтъ холодный
Настанетъ вдохновенный часъ,—
И къ жизни звучной и свободной,
Могучій, вызову я васъ!

1831.



О д а.

Внимайте голосъ истребленья!
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ!
То звуки дальняго сраженья,
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.

Вотъ ружей звонкіе раскаты,
Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ,

И крикъ торжество, мнѣ крикъ знакомый,
И смерти стонъ, мнѣ плачь родной...

О, замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой!

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ проклять тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!

Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безмысленной позоръ!

Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,

И повѣсть мщенья и страданья,—
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесь....
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесь,

Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Передъ старшимъ—Сѣвернымъ орломъ.

Ихъ твердь союзъ, горять перуны.
Законъ ихъ властенъ надъ землей,

→ 48 ←

И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!...

1831.

Говорится о Польскомъ мятежѣ, который вызванъ былъ Европейскими державами, напуганными успѣхами Россіи, побѣдоносно окончившей Турецкую войну, и въ подавленіи котораго Хомяковъ не участвовалъ.



О р е л ь .

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ Полунощныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети; но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная.

Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скаль, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...
И ждуть окованные братья—
Когда же зовъ услышать твой,
Когда ты крылья, какъ объятя,
Прострешь надъ слабой ихъ головой?...
О, вспомни ихъ, Орелъ Полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!

Питай ихъ пищею силъ духовныхъ,
Питай надеждою лучшихъ дней,
И кладъ сердець единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ: окрѣпнуть крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричать орлы, — и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

1832.

Хомяковъ узналъ Славянъ Австрійскихъ во время путешествія своего по Европѣ въ 1826 году, а Турецкихъ въ нашу войну 1828—1829 годовъ, въ которой принималъ доблестное участіе.



Русская пѣсня.

Гой красна земля Володимира!
Много сель въ тебѣ, городовъ большихъ,
Много люду въ тебѣ православнаго!
Въ сини горы ты упираешься,
Синимъ моремъ ты омываешься;
Не боишься ты люта вѣрога,
А боишься лишь гнѣва Божія.

Гой красна земля Володимира!
Послужили тебѣ мои прадѣды,

Миромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта вѣрога отодвинули.
Помяни добромъ моихъ прадедовъ:
Послужили тебѣ службу крѣпкую.

Службу большую я служилъ тебѣ:
Отъ меня-ль, въ степяхъ, мужички пошли,
Мужички пошли, богатые,
Знаютъ чинъ свой, знаютъ добычу,
Братьевъ любятъ, Богу молятся.
Отъ меня-ль, въ судахъ, правда-судъ пошли,
Правда-судъ пошли неподкупные,—

Правда въ слушанье, судъ въ видѣніе.
Отъ меня-ль пошла въ цѣлый міръ молва,
Что и синяго неба не выглядѣть,
Что и синяго моря не вычерпать—
То красна земля Володимира.
Полюбуйся ей—не насмотришься,
Черпай разумъ въ ней—не исчерпаешь!

Ходитъ по небу солнце ясное,
Грѣетъ, свѣтитъ міру цѣлому;
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ да песчинкамъ счету нѣтъ.
По землѣ ходитъ слово Божіе,

→ 55 ←

Грѣть жизнью, свѣтитъ радостью,
Блещутъ главы церквей золоченыя,
А Господнихъ слугъ да моельщиковъ
Что травы въ степяхъ, что песку въ моряхъ!

Въ послѣднихъ трехъ строфахъ призывъ Русскому Царю.



Къ иностранкѣ.

(Фрейльба А. О. Россетъ)

О, дѣва-роза, для чего
Мнѣ грудь волнуешь ты
Порывной бурей страстей,
Желанья и мечты?

Спусти на свой блестящій взоръ
Рѣсницы длинной тѣнь:
Твои глаза огнемъ горять,
Томятъ, какъ лѣтній день.

→ 57 ←

Нѣтъ, взоръ открой! Отраднѣй мнѣ
Отъ зноя изнывать,
Чѣмъ знать, что въ небѣ солнце есть,
И солнца не видать!

1832.



Къ ней же.

Вокругъ нея очарованье,
Вся роскошь Юга дышетъ въ ней;
Отъ розъ ей прелесть и названье,
Отъ звѣздъ полудня блескъ очей.
Прикованъ къ ней волшебной силой,
Поэтъ восторженный глядитъ;
Но никогда онъ дѣвѣ милой
Своей любви не посвятить.

Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,

Поэтовъ радости и муки,
Поэтовъ чистая мечта.
Пусть въ ней душа какъ пламень ясный,
Какъ дымъ молитвенныхъ кадиль;
Пусть Ангель свѣтлый и прекрасный
Ее съ рожденья осѣнилъ;

Но ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса,
И ей милѣй страны другія,
Чужія лучше небеса!
Пою ей пѣснь роднаго края,—
Она не внемлетъ, не глядитъ!

При ней скажу я: „Русь Святая!“ —
И сердце въ ней не задрожитъ!

И тщетно лучъ живаго свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятить любви своей.

1832.

А. О. Смирнова (въ дѣвицахъ Россетъ, по отцу Францу-
женка, по матери Грувинка) сказывала намъ, что Николай Павло-
вичъ прочелъ ей эти стихи и потомъ дразнилъ ее ими.



Къ *).

Не горюй по лѣтнимъ розамъ;
Вѣрь мнѣ, чуденъ Божій свѣтъ!
Зимнимъ выюгамъ и морозамъ
Рады заяць да поэтъ.
Для меня, въ безпечной лѣни,
Какъ часы ночнаго сна,
Протекли безъ вдохновеній
Осень лѣто и весна.
Но лишь гулкiя мятели
Въ снѣжномъ полѣ заревуть,

И въ пушистыя постели
Зайцы робкіе уйдуть,—
Пѣсень дѣва молодая
Въ бурѣ мнѣ привѣтъ пришлетъ
И, привѣту отвѣчая,
Что-то въ сердцѣ запоетъ.

1832.

Охота, преимущественно псовая, была испоконъ вѣковъ любимымъ отдохновеніемъ Хомяковыхъ: полеванья въ деревни подъ Тулою (Богучарово) начинались въ Сентябрѣ и кончались въ Октябрѣ въ Сычевскомъ уѣздѣ (Линицы). Одинъ изъ Хомяковыхъ былъ любимымъ ловчимъ у цари Алексѣя Михайловича.



Жаворонокъ, Орель и Поэтъ.

Когда, проснувшись, свѣтлѣетъ
Востокъ росистою зарей,
Незримый жаворонокъ рѣетъ
Въ равнинѣ неба голубой;
И вдохновенный, безъ науки
Творить онъ пѣснь, и свысока
Серебряные сыплетъ звуки
На слѣдъ воздушный вѣтерка.
Орель, добычу забывая,
Летитъ, и выше сизыхъ тучъ,
Какъ парусъ крылья разстилая,
Всплываетъ, весель и могучъ.

Зачѣмъ поютъ? Зачѣмъ летаютъ?
Зачѣмъ горячія мечты
Поэта въ небо увлекаютъ
Изъ мрака дольней суеты?
Зачѣмъ, что въ небѣ вдохновенье,
И въ пѣсняхъ есть избытокъ силъ,
И гордой воли упоенье
Въ надоблачномъ размахѣ крылъ;
Зачѣмъ, что съ выси небосклона
Отраднo видѣть край земной
И робкихъ чадъ земнаго лона—
Далеко, низко подъ собой.

1832.



Вдохновеніе.

Лови минуту вдохновенья,
Восторговъ чашу жадно пей
И сномъ лѣниваго забвенья
Не убивай души своей!
Лови минуту,—пролетаетъ,
Какъ молнии яркая струя,
Но годы многіе вмѣщаетъ
Она земнаго бытія.

Но если разъ душой холодной
Отринешь ты небесный даръ
И въ суетѣ земли бесплодной

Потушишь вдохновенья жаръ;
И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ:
Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса,
И предъ зѣницей ослѣпленной
Не распахнутся небеса;
Но сердце бѣдное изсохнетъ,
И нива прежнихъ думъ твоихъ,
Какъ степь безводная, заглохнетъ
Подъ терномъ помысловъ земныхъ,

1832.



Д в ъ п ѣ с н и.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны.
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манить;
Но не звучать отзывно сердца струны,
И мысль моя въ груди безмолвной спить.

Другая пѣснь, то пѣснь роднаго края,—
Протяжная, унылая, простая,

3*

→ 68 ←

Тоски и слезъ и горестей полна!
Какъ много думъ забудила вдругъ она
Про нашу степь, про гулкiя мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихiе напѣвы колыбели,
Про отчiй домъ, и кровныхъ, и друзей!

1832.



Э л е г і я.

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлет дольний міръ, и вѣтръ прохладой дуетъ,
И синимъ сумракомъ одѣты небеса,
И землю сонную лучъ мѣсяца цѣлуетъ:

Мнѣ страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть однимъ, и сердце сердца просить,
И голосъ трепетный то ропщетъ на судьбу,
То имена любви невольно произносить....

Когда-жъ въ часъ утренній проснувшійся Востокъ
Выводитъ съ торжествомъ денницу золотую,

Иль солнце льетъ лучи, какъ пламенный потокъ,
На ясный мѣръ небесъ, на суету земную,—

Я снова бодръ и свѣжъ: на смутный бытъ людей
Бросаю смѣлый взглядъ; улыбку и презрѣнье
Одни я шлю въ отвѣтъ грозамъ судьбы моей,
И радуеть меня мое уединенье.

Готовая къ борьбѣ и крѣпкая какъ сталь,
Душа бѣжитъ любви безсильнаго желанья,
И одинокая, любя свои страданья,
Питаеть гордую, безгласную печаль.

1834.



М е ч т а.

У грустно, грустно мнѣ! Ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, странѣ святыхъ чудесъ:
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ, догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.

А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!

Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчь бродили въ высотѣ,

И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ;
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья,
И вѣры огнь живой потоки свѣта лиль...
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!
Но горе! Вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задержнуть Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ....
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

1834.



К л ю ч ь.

Сокрѣть въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ Музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстный,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщеть въ жаркій день
Копыто жаждущаго стада,
Иль поселянъ бродящихъ лѣнь;
Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ свой приняла.

И не скують тебя морозы,
Тебя не ссушить лѣтній зной,
И льешь ты серебряныя слѣзы
Неистошимою струей.

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ!
Онъ также воды леть живыя,
Сокрыть, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,

Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу да Его святымъ!

Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ,—
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше,
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,

Какъ къ берегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите! Мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осянъ весь мѣръ лучами
Любви, святости, тишины.

1835.

Любимое стихотвореніе К. С. Аксакова, бывшего студентомъ
Московского университета, когда оно написано.



Къ Е. Н. Полтавцовой.

Когда гляжу, какъ чисто и зеркально
Твое чело,
Какъ ясенъ взоръ,—мнѣ грустно и печально,
Мнѣ тяжело.

Ты знаешь ли, какъ глубоко и свято
Тебя люблю?
Ты знаешь ли, что отдашь безъ возврата
Я жизнь свою?

Когда умереть предъ хладной молнией взора
Любви мечта,
Не прогремать правдиваго укора
Мои уста,

Но пропою въ послѣднее прощанье
Я пѣснь одну:
Въ ней всю любовь, все горе, все страданье,
Всю жизнь сомкну.

И слыша пѣснь какимъ огнемъ согрѣта
И какъ грустна,

Узнаетъ міръ, что въ ней душа поэта
Схоронена.

1836.

Эти стихи (какъ и слѣдующіе) вызваны любовью Хомякова къ Зинаидѣ Николаевнѣ, дочери Николая Петровича и Дарьи Алексѣевны Полтавцевыхъ. Это была семья, любившая словесность и искусства. Одна изъ дочерей, гр. Елисавета Николаевна Баранова, писала стихи, сестра ея, гр. Екатерина Николаевна Адлербергъ, много занималась музыкой. Онѣ жили въ Москвѣ въ своемъ Пашковскомъ домѣ, нынѣ Румянцовскій Музей. Преданіе передаетъ, что когда Хомякову было отказано въ сватовствѣ, онъ сдѣлался самъ не свой и съ непокрытою головою побѣжалъ домой. Она же такъ и кончила жизнь дѣвицею. Хомяковъ въ томъ же году женился на сестрѣ поэта Языкова, Екатеринѣ Михайловнѣ.



Благодарю тебя! Когда любовью нѣжно
Сіяли для меня лучи твоихъ очей,
Подъ игомъ сладостнымъ заснулъ въ груди мятежной
Порывъ души моей.

Благодарю тебя! Когда твой взоръ суровый
На юнаго пѣвца съ холодностью упалъ,
Мой гордый духъ вскипѣлъ, и прежнія оковы
Я смѣло разорвалъ!

И шире мой полетъ, живѣе въ крыльяхъ сила;
Все въ груди тишина, все сердце расцвѣло;

И пѣсенъ благодать свѣжѣе осѣнила
Свободное чело!

Такъ, послѣ ярыхъ бурь, моря лазурнѣй, тише,
Благоуханнѣй лѣсъ, свѣжѣй долинь краса;
Такъ раненый слегка орель уходитъ выше
Въ родныя небеса!

1836.



Къ своей супругѣ.

Лампада поздня горѣла
Предъ сонной лѣнїю моей,
И ты взшла и тихо сѣла
Въ сліяньи мрака и лучей.

Головки русой очеркъ нѣжный
Въ тѣни скрывался, а чело—
Святыня думы безмятежной—
Бѣлѣло чисто и свѣтло.

Уста съ улыбкою спокойной,
Глаза съ лазурной ихъ красой:

Все чуднымъ миромъ, мыслью стройной,
Въ тебѣ сіяло предо мной.

Кругомъ—глубокое молчанье:
Казалось, это дивный сонъ,
И я глядѣлъ, ставъ дыханье,
Бояся, чтобъ не скрылся онъ.

Ушла ты,—солнце закатилось,
Померкла хладная земля;
Но въ ней глубоко затаилась
Отъ солнца жаркая струя.

Ушла,—но, Боже, какъ звенѣли
Всѣ струны пламенной души,

Какую пѣсню въ ней запѣли
Онѣ въ полуночной тиши!

Какъ вдругъ, и молодо, и живо,
Вскипѣли силы прежнихъ лѣтъ,
И какъ вздрогнулъ нетерпѣливо,
Какъ вспрянулъ дремлющій поэтъ!

Какъ чистымъ пламенемъ искусства
Его зажглася голова,
Какъ сны, надежды, мысли, чувства
Слилися въ звучныя слова!

→ 85 ←

О, вѣрь мнѣ, сердце не обманеть:
Свѣтло звѣзда моя взошла,
И снова новый лучъ проглянетъ
На лавры гордаго чела.

Хомяковъ былъ женатъ съ Юли 1836 г. на Екатеринѣ Михайловнѣ Языковой, сестрѣ поэта.



Островъ.

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.
Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землей;
Но смирененъ, но покоренъ,
Онъ любитъся тобой:

Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ,
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся берегъ.

Дочь любимая свободы *)
Благодатная земля,
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею

*) Въ первыхъ изданіяхъ печаталось: природы.

Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ;
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей головой,
Какъ высоки пѣсень звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной;
Для тебя, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ,
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ!
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,

→ 90 ←

Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать,
И забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна!

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесь,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ....

1836.



На кончину двух первых дѣтей.

Бывало, въ глубокой полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,

Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней,
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ....
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокой полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,

О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать,—
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

1838.

Англійскій пасторъ перевелъ эти стихи по англійски, и они послужили поводомъ къ личному сближенію Хомякова съ дьякономъ Пальмеромъ, долгіе годы трудившимся для соединенія нашей церкви съ Англиканскою.



М и л ь к ъ е в у .

Не вѣрь, что хладными сердцами
Остались чужды мы тебѣ,
Что ты забыть, не понять нами,
Что брошенъ въ жертву злой судьбѣ.

Твоей молитвы гимнъ прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣтлой, мыслью ясной,
Чаруя оживило насъ.

Ты пѣлъ,—и Обь, Иртышъ и Лена
Въ степяхъ вилися предо мной;

Бѣлѣла ихъ сѣдая пѣна,
Лѣса чернѣли надъ волной.

Ты пѣлъ,—и подъ крыломъ бурана
Гудѣла степь и гнулся боръ,
И, прорѣвая зыбь тумана,
Росли вершины снѣжныхъ горъ;

Вставалъ Алтай, весь полонъ злата,
И тайны, и видѣній полнъ...
А пѣснь твоя звучала свято,
Прекраснѣй горъ, степей и волнъ.

Ты нашъ, ты нашъ! По сердцу братья
Тебѣ нашлись. Тебя зовутъ
И дружбы теплыя объятья,
И Музамъ сладостный пріютъ.

1839.



Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?“

— „Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ—краса степей“.—
„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!“—

„Край мой—теплый берегъ Эвксина!“—
„Край мой-берегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“.—

„Дикъ и страшень верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!“—
„Мнѣ отчизна старый Псковъ“.—

„Я отъ Ладоги холодной“,—
„Я отъ синихъ волнъ Невы“,—
„Я отъ Камы многоводной“,—
„Я отъ матушки-Москвы“.

Слава, Днѣпръ, сѣдя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка были,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго Востокъ.

И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ—
Полкъ молящихся дѣтей,—

Мы вокругъ твоей святыни,
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ-жъ сыны Воыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры.

Мечъ и леть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими править чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.

И отгорженныя дѣти,
Лишь услышать твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время бно,
Успокоиться придуть
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни
Возрожденные тобой!

1839.

Послѣднія строфы относятся къ воссоединенію Уніатовъ съ
равославною церковью.



В и д ѣ н і е.

Какъ темнота широко воцарилась!
Какъ замеръ шумъ деннаго бытія!
Какъ сладостно дремотою забылась
Прекрасная, любимая моя!
Весь міръ лежитъ въ торжественномъ покоѣ,
Увитый сномъ и дивной тишиной;
И хоры звѣздъ, какъ празднество ночное,
Свои пути свершаютъ надъ землей.
Что пронеслось какъ вешнее дыханье?
Что надъ мной такъ быстро протекло?
И что за звукъ, какъ арфы содроганье,
Какъ лебедя звенящее крыло?

Вдругъ свѣтъ блеснулъ, полнеба распахнулось.
Я задрожалъ, безмолвный, чуть дыша....
О, передъ кѣмъ ты, сердце вострепнулось?
Кого ты ждешь?—скажи, моя душа!

Ты здѣсь, ты здѣсь, владыка пѣснопѣній,
Прекрасный царь моей молодой мечты!
Небесный другъ, мой благодатный геній,
Опять, опять ко мнѣ явился ты!
Все та-жъ весна ланиты оживленной,
И тотъ же блескъ твоихъ эфирныхъ крылъ,
И тѣ-жъ уста съ улыбкой вдохновенной,
Все тотъ же ты. Но ты не то, что былъ.

Ты долго жилъ въ лазурномъ томъ просторѣ,
И на челѣ остался лучъ небесъ;
И цѣлый міръ въ твоёмъ глубокомъ взорѣ,
Міръ ясныхъ думъ и творческихъ чудесъ.
Прекраснѣе, и глубже, и звучнѣе
Твоихъ рѣчей пѣвучая волна,
И крѣпкій станъ подымается смѣлѣе,
И звонкихъ крылъ грознѣе ширина.

Передъ тобой съ волненьемъ тайнымъ страха
Сливается волненіе любви.
Склонись ко мнѣ, возьми меня изъ праха,
По прежнему мечты благослови!

По прежнему зѣрнымъ дуновеньемъ,
Небесный братъ, коснись главы моей,
Всю грудь мою наполни вдохновеньемъ,
Земную мглу отъ глазъ моихъ отвѣй!

И полный силъ, торжественный и мирный,
Я встаю надъ бездной бытія...
Проснись, тимпанъ! Проснись, голосъ лирный!
Въ моей душѣ проснись, пѣснь моя!
Внемлите мнѣ, вы страждущіе люди;
Вы, сильные, склоните робкій слухъ;
Вы, мертвыя и каменные груди,
Услыша пѣснь, примите жизни духъ!

1840.



Р о с с и и.

„Гордись!“ тебѣ льстецы сказали:
„Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
„Земля несокрушимой стали
„Полмира взявшая мечомъ!
„Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
„И прихотей твоихъ раба,
„Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
„Тебѣ покорная судьба.
„Красны степей твоихъ уборы,
„И горы въ небо уперлись,

„И какъ моря твои озера...“
Не вѣрь, не слушай, не гордись!

Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонять взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:

Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Грознѣй тебя былъ Римъ великой,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огонь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? и гдѣ Монголы?
И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,

Куеть безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной Альбионъ!

Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка:
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголь Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ твое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племень святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начало славы и чудесь!....

О, вспомни свой удѣлъ высокой,
Былое въ сердце воскреси,

И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей;
И станешь въ славу ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный
Прозрачный Вышняго покровъ!

1839.

Писано послѣ Бородинскихъ маневровъ, на которыхъ императоръ Николай Павловичъ, въ присутствіи иностранцевъ, предъ-
являлъ мощь Россіи.



7 Н о я б р я 1840.

Когда мы разрыли могилу вождя
И вызвали гробъ на сіяніе дня,
Въ насъ сердце сжалось отъ страха:
Казалось, лишь тронемъ свинецъ гробовой,
Лишь дерзко подымемя преступной рукой
Покровъ съ могучаго праха,—

Сердитыя волны вскипають на моряхъ,
Сердитыя тучи взбѣгутъ въ небесахъ,
И вихрь среди знойнаго поля!
И снова польется потоками кровь,

И, вставши, всю землю потребуеть вновь
Боець—желѣзная воля!

Мы сняли покровы... Глядимъ—небеса
Спокойны, безмволны поля и лѣса,
И тихи зеркальня волны!
И все озлатилось вечернимъ лучомъ,
И мы вокругъ могилы стоимъ и живемъ,
И силъ, и юности полны!

А онъ недвижимъ, онъ—гремящій въ вѣкахъ,
Онъ, сжавшій всю землю въ орлиныхъ когтяхъ,
Мужъ силы, молнія брани!
Уста властелина на вѣки молчатъ,

И смертью закрыть повелительный взгляд,
И смертью скованы длани.

И снова скрѣпляя свинецъ роковой,
Тогда оросили мы горькой слезой

Его доску гробовую:

Какъ будто сложили подъ вѣчный покровъ
Всю силу души и всю славу вѣковъ,
И всю гордыню людскую.

1841.



На перенесеніе Наполеонова праха.

Небо ясно, тихо море,
Воды ласково журчатъ;
Въ безграничномъ ихъ просторѣ
Мчится весело фрегатъ.
Молныя сизыя трепещуть,
Бури дикія шумятъ,
Волны бьются, волны плещуть:
Мчится весело фрегатъ.
Дни текутъ; на ризахъ ночи
Звѣзды южныя зажглись;

Мореходцевъ жадны очи
Въ даль завѣтную впились.

Берегъ! берегъ! Передъ ними
Къ небу синему взошла
Надъ пучинами морскими
Одинокая скала.

Здѣсь онъ! Здѣсь его могила
Въ дикихъ вырота скалахъ:
Глыба тяжкая покрыла
Полководца хладный прахъ.

Здѣсь страдалъ онъ въ ссылкѣ душевной,
Молней внутренней сожженъ,

Местью страха малодушной,
Низкой злостью истомлень.

Вырывайте-жь бренно тѣло,
И чрезъ бурный океанъ
Пусть фрегатъ вашъ мчится смѣло,
Съ новой данью южныхъ странъ!

Онъ придетъ, онъ въ пристань станетъ,
Онъ своей хранимъ судьбой;
Слыша вѣсть о васъ, воспрянетъ
Встрѣтить пепель дорогой,—

Съ шумомъ буйныхъ ликованій,
Поздней ревности полна.

Въ дни несчастья, въ дни страданій
Измѣнившая страна!

Было время, были годы,—
Этотъ прахъ былъ богъ земли:
Взглянетъ онъ—дрожать народы,
Войска движутся вдали.

А пойдетъ онъ, строгій, блѣдный,
Словно памятникъ живой,—
Подъ его стопою мѣдной
Содрогнется шаръ земной;

Въ полѣ вспыхнетъ буря злая,
Вспыхнутъ громы на моряхъ,

И ложатся, умирая,
Люди въ кровь и царства въ прахъ!
И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой...
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.

Опускайте-жъ тѣло бренно
Въ тихій, темный, вѣчный домъ,
И обрядъ мольбы смиренной
Совершите надъ вождемъ.

Пусть изъ мѣди, пусть изъ злата,
Камней, красокъ и рѣзбы,

Встанетъ памятникъ богатый
Той несслыханной судьбы!

Пусть надъ перстью благородной
Громомещущей главы
Блещетъ саванъ зимъ холодный,
Пламя жаркое Москвы;

И не мечъ, не штыкъ трехгранный,
А въ вѣнцѣ полночныхъ звѣздъ—
Усмиритель бури бранной—
Наша сила, Русскій крестъ!

Пусть, когда въ земное лоно
Пренесенъ чрезъ бездну водъ,

Бѣдный прахъ Наполеона,
Тлѣнью отданный, заснетъ,—

Передъ сномъ его могилы
Скажетъ міръ, склонясь главой:
Нѣтъ могущества, ни силы,
Нѣтъ величья подъ луной.

1841.

Строфы 8 и 9-я опровергаются рассказомъ графини М. Д. Нессельроде о томъ равнодушіи, съ какимъ Парижане встрѣтили привезенный къ нимъ прахъ Наполеона.



Еще о немъ.

И не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ.
Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!

Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,

→ 124 ←

Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.

Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ.

Величье земное во прахѣ!...

Скажите, не утро-ль съ Востока встаетъ?

Не новая-ль жатва надъ прахомъ растеть?

Скажите!.... Миръ жадно и трепетно ждетъ

Властительной мысли и слова!...

1841.



Nachtstück.

Вчерашняя ночь была такъ свѣтла,
Вчерашняя ночь всѣ звѣзды зажгла
Такъ ясно,
Что, глядя на холмы и дремлющій лѣсъ,
На воды, блестящія блескомъ небесъ,
Я думалъ: о, жить въ этомъ мѣрѣ чудесъ
Прекрасно!

Прекрасны и волны, и даль степей,
Прекрасна, въ одеждѣ зеленыхъ вѣтвей,
Дубрава;

Прекрасна любовь съ вѣчно-свѣжимъ вѣнкомъ,
И дружбы звѣзда съ неизмѣннымъ лучомъ,
И пѣсень восторгъ съ озареннымъ челомъ,
И слава!

Взглянулъ я на небо—тамъ твердь ясна:
Высоко, высоко восходить она
Надъ бездной;

Тамъ звѣзды живыя катятся въ огнѣ....
И дѣтское чувство проснулось во мнѣ,
И думалъ я: лучше намъ въ той вышиѣ
Надзвѣздной!

1841.



Сумракъ вечерній тихо возшель,
Мѣсяць двурогій звѣзды повель
Въ лазурномъ просторѣ:
Время покоя, любви, тишины,
Воздухъ и небо сіянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.

Сердцу отраднo; берегъ далекъ,
Какъ очарованъ спитъ мой челнокъ,
Упали вѣтрила.

Небо, какъ море, лежитъ надо мной,
Море, какъ небо, блеститъ синевою,
Въ безднѣ небесной и безднѣ морской
Все тѣ-же свѣтила.

О, чтобы въ душу вошла тишина!
О, чтобы рѣже смущалась она
Земными мечтами!

Лучше, чѣмъ въ лонѣ лазурныхъ морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вѣчное небо глядѣлось бы въ ней
Со всѣми звѣздами!

1841.



Richterspruch—Ritterspruch *).

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
Съ дружиной твоей удалю,—
И врагъ побѣжденный упалъ подъ конемъ,
И плѣнный лежитъ предъ тобою,

Сойдешь ли съ коня ты? Поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?

*.) Приговоръ судьи—приговоръ рыцаря.

Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По градамъ и селамъ пожары простеръ,—

Теперь онъ подѣмлетъ молящія длани:
Убьешь ли? О стыдъ и позоръ!
А если васъ много, убьете ли вы
Того, кто охваченъ цѣпями,

Кто стоптанный въ прахъ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
Пусть духъ его черенъ какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло какъ червь гноевой,

Пусть кровью, разбоем онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете-ль? О стыдъ и позоръ!

1841.

Этими стихами Хомяковъ призываетъ милосердіе правительства къ Польскимъ заговорщикамъ (Конарскій и его сообщники). Въ Москвѣ рассказывали про князя Т., облеченнаго властію въ одной изъ Западныхъ губерній, что онъ приказывалъ класть острые гвозди въ подушки захваченныхъ Поляковъ.



Д а в и д ъ.

Швецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;
Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ поле бралъ камень простой,
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.
И ты,—когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,—
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ,

Доспѣхъ Саула—ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ:
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ!

1844.

На Московскаго митрополита Филарета, когда тотъ, въ борьбѣ съ старообрядчествомъ, прибѣгалъ къ полицейской власти, въ чемъ иногда и раскаивался: такъ однажды онъ перервалъ докладъ одного священника, рѣзко отзывавшагося о старообрядцахъ, словами: «Погоди, погоди; вѣдь если бы не они, у насъ, пожалуй, господствующимъ вѣроисповѣданіемъ сдѣлалось бы Лютеранство». Самолюбивый владыка въ одномъ письмѣ къ архиман. Антонію употребляетъ выраженіе: «Суемудріе г-на Хомякова»; но поэтъ высоко цтилъ его.



Не говорите: „то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ:
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ“.
Нѣтъ! этотъ грѣхъ—онъ вѣчно съ вами
Онъ въ вашихъ жилахъ и крови;
Онъ сросся съ вашими сердцами,—
Сердцами, мертвыми къ любви.

Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи бывшихъ временъ,

За ваши Каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той години,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждые дружины
На гибель Русской стороны;
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,
За Новградъ и его камѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,*)
За узаконенный развратъ.

*) Соломонія Сабуровой. П. Б.

За грѣхъ царя-святоубійцы,
За разоренный Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердець,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнь народа; наконецъ,
За то, что, полные томленья,
Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ.
Пошли просить вы исцѣленья

Не у Того, въ Его-жь рукъ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огонь любви, и свѣтъ умовъ,—
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И обуявъ въ чаду гордыни,
Хмѣльные мудростью земной,
Вы отrekliсь отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!
За все, за всякія страданья,
За всякій поправный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,

За всѣ бѣды роднаго края,—
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

1846.



Въ альбомъ В. В. Ганкѣ.

«Когда-то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

„**Г**де дай ей рабакаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой“.

Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ будетъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастье.

А. Хомяковъ.

Прага, 1847 года,
19 Іюля.



Беззвѣдная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подь окномъ;
О Прагъ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагъ мечталъ, забываясь сномъ.

Мнѣ снилось—лечу я: орель сизокрылый
Давно и давно бы въ полетъ отсталъ,
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,

Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петшинѣ храмъ,
Молитва Славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла
Епископъ на Петшинѣ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

→ 142 ←

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

1847.



И. В. Кирѣевскому.

Ты сказалъ намъ: „За волною
Вашихъ мысленныхъ морей—
Есть земля: надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли Эмпирей“.

Распусти-жь свой парусъ бѣлый—
Лебединое крыло,—
И стремися въ тѣ предѣлы,
Гдѣ тебѣ, нашъ путникъ смѣлый
Солнце новое взошло!

→ 144 ←

И съ богатствомъ многоцѣннымъ
Возвратившись снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ,
Крѣпость волямъ утомленнымъ,
Пищу алчущимъ сердцамъ!

1848.



Надпись къ картинѣ.

(Ангелъ спасаетъ двѣ души отъ Сатаны).

М видѣлъ, какъ посланникъ рая
Души двѣ въ небо уносилъ, —
И та прекрасна, и другая;
Но образъ ихъ различенъ былъ:

Одна небесъ не забывала,
Но и земное все познала, —
И пыль земли на ней легла;

→ 146 ←

Другая чуть земли коснулась,
И отъ земли ужъ отвернулась,
И для безсмертья сберегла
Всю прелесть юнаго чела.

1848.



Сербская пѣсня.

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ,
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджарь и Турки злова
Никнетъ гордое чело.

Спишь ли ты, нашъ королевичъ?
Посмотри-ка, твой народъ
Расходился, словно волны,
Что ломають вешній ледъ!

Спишь ли, спишь ли, королевичъ?
Посмотри-ка, въ чьихъ рукахъ

Блещуть копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ!
Слушай! Трубы загремѣли,
Бьетъ въ раскатахъ барабанъ,
Сербы съ горь текутъ, какъ рѣки,
Кроютъ поле, какъ туманъ.
Просыпайся, королевичъ!
Знать, великій часъ насталь:
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ...

1849.



Кремлевская заутреня на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночью,
Москва ждала, и часъ святой насталь:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталь.

Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И слыша гласъ, ея дупіѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.

Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и; вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поётъ,—

Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
Смиряются-ль кичливые умы?

Откроемъ ли радушныя объятя
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?

Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

1849.

Въ этотъ годъ вся почти императорская фамилія, въ сопровожденія придворныхъ и многихъ служебныхъ лицъ, переѣхала въ Москву (железная дорога еще не ходила) и прогостила въ ней около мѣсяца. Освященъ былъ вновь воздвигнутый Кремлевскій Большой дворецъ. Въ дни великаго поста готовились къ разнаго рода празднествамъ. У графа Закревскаго состоялись живыя картины, и Страстная недѣля проведена была въ большой суетѣ. Хомяковъ зналъ, что готовился походъ для спасенія Австрійскихъ Славянъ отъ Венгерскаго порабоженія и что раскрыпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ съ землею было завѣтною мыслию императора Николая Павловича.

Навуходоносоръ.

Мойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипите свободный трудъ!

Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ;
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.

Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:

Слово—Божій даръ священный,
Разумъ—лучъ отъ Божества.

Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творять
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ!

Надъ равнинами Деира
Онъ создалъ себѣ кумирь,
И у ногъ того кумира
Пироваль безбожный пиръ.

Но отмстилъ ему Іегова!
Казнью жизнь ему сама:

Бродить нѣмъ губитель слова,
Траву щиплетъ врагъ ума!

Какъ работникъ подъяремный,
Безсловесный, глупый вошь,
Не глядя на міръ надземный,
Онъ обходить злачный доль...

Ты скажи намъ, царь надменный,
Живъ ли Мстящій за Сіонъ?..
Но покайся, но смиренно
Полюби Его законъ,

Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,

И простить тебя Іегова
Отъ невидимыхъ оковъ:
Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царемъ
И земной вѣнецъ владыки
Освятить Своимъ вѣнцомъ.
Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

1849.

Писано не ранѣе второй половины 1849 года, когда, вѣрный
Священному Союзу, императоръ Николай Павловичъ, спасши

Австрію отъ распадѣнія, возмнилъ себя властителемъ Европы, а у себя въ Россіи началъ опасаться проявленій словесной и умственной свободы: Греческій языкъ упраздненъ былъ въ гимназіяхъ, дабы знаніе его не повело къ знакомству съ Греческими республиками, университеты полузакрыты, а въ Москвѣ полиція вела списки лицъ, посѣщавшихъ Хомякова.

Стихи эти долгое время были немногимъ лицамъ извѣстны. Я спросилъ Хомякова, кто ихъ написалъ. «Графъ Блудовъ», отвѣчалъ онъ, и въ этомъ отвѣтѣ для знавшихъ графа Д. Н. Блудова отзывалась веселая шутка. П. Б.



„Мы—родъ избранный“, говорили
Сіона дѣти въ старину:

„Намъ Божьи громы осушили
„Морей волнистыхъ глубину“.

„Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
„Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
„И дымъ и огонь, какъ Божье знамя,
„Въ пустыняхъ намъ казали путь“.

„Намъ камень лилъ воды потоки,
„Дождили манной небеса;
„Для насъ законъ, у насъ пророки,
„Въ насъ Божьей силы чудеса!“

Не терпите Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говорить:
„Мы—соль земли, мы—столбъ святыни,
„Мы—Божій мечъ, мы—Божій щитъ!“

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечеть рабскимъ языкомъ,
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою нѣмъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возносить еиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всё зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

1851.



Воскресеніе Лазаря.

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,—
И сокрушенъ былъ плѣнъ могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.

Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: „встань!“ душѣ моей,—
И мертвая изъ гроба встанетъ,
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей;

И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ,

→ 161 ←

Тебѣ—сіяню Отчей славы,
Тебѣ—умершему за насъ!

1853.

Первые по кончинѣ супруги (Январь 1852) стихи. Хомяковъ прочелъ ихъ пишущему эти строки, отправляясь вмѣстѣ съ нимъ къ заутренѣ въ Лазареву Субботу. Слишкомъ годъ онъ не писалъ стиховъ.



Вечерняя пѣснь.

Солнце сокрылось, дымятся долины,
Медленно сходятъ къ ночлегу стада,
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
Тихою славой горять небеса.
Братья, оставимъ работу дневную,
Въ пѣсню сольемъ голоса:

„Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздой,
„Тихо сияетъ струей золотою
„Западный край“.

„Господи! Путь нашъ межъ камней и терній,
„Путь нашъ во мракѣ: Ты—свѣтъ не вечерній—
„Насъ осіяй!“

„Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
„Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
„Въ тяжелой борьбѣ“.

„Всюду сіяніе Солнца Святаго,
„Божія Мудрость, и Сила, и Слово...
„Слава Тебѣ!“

1852.



Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ: мы—родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ—братскія объятя,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби—кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанеть вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!
Пронесется мракъ ненастный,
И ожидаемый давно
Восіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно:
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ — побѣдный строй,
Полны мыслью благородной
Крѣпки вѣрою одной!

1852.



З в ѣ з д ы.

Въ часъ полночный, близъ потока.
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.

Ночи вѣчныя лампы,
Невидимы въ блескъ дня,
Стройно ходять тамъ громады
Негасимаго огня.

Но впивайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали,

За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.

Вновь взглядишь—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горять.

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отгнавъ обманы сновъ,
Ты взглядишь душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—

И въ объемъ книги тѣсной
Развернется предъ тобой

Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.

Узришь—звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вокругъ земли;
Вновь взглядишь— другія всходятъ,
Вновь взглядишь, и тамъ, вдали,

Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

1853.



Вставайте! Оковы распались
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужь Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулася Сирійская степь!

Вставайте, Славянскіе братья,
Болгаринъ, и Сѣрбъ, и Хорватъ!
Скорѣ другъ къ другу въ объятъя,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

Скажите: „Намъ въ старыя годы
„Въ наслѣдство Господь даровалъ
„И степи, и быстрыя воды,
„И лѣсъ, и ущелія скаль!“

Скажите: „Мы люди свободны,—
„Да будетъ свободна земля,
„И горы, и глуби подводны,
„И доли, и лѣсъ, и поля!

„Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
„И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
„Намъ Богъ разрываетъ оковы,
„Намъ Богъ закаляетъ булатъ!“

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!

→ 171 ←

Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!...
Вскипите-жь, Славянскія волны!
Проснитесь, гнѣзда орловъ!

1853.



Маль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Цѣлый міръ кругомъ храпять,
А отъ думъ неугомонныхъ
Вашъ тревожный умъ не спитъ.
Бродить, ищеть, рѣчь заводить
Съ тѣмъ, съ другимъ: все прока нѣтъ!
Тотъ глазами чуть поводитъ,
Тотъ сквозь сонъ кивнетъ отвѣтъ.
Вотъ, оставивъ братьевъ спящихъ,
Вы ведете въ тѣмъ ночной,
Не смыкая вѣждъ горящихъ,
Думу долгую съ собой.

И надумались: и снова
Мысли бурныя кипятъ,
Будите того, другаго....
Всѣ киваютъ и молчатъ.
Вы волнуетесь, горите,
Въ сердцѣ горечь, въ слухъ звонъ....
А кругомъ-то поглядите,
Какъ отраденъ мирный сонъ!
Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Ужъ не лучше ли заснуть,
И отъ думъ неугомонныхъ
Хоть на время отдохнуть?

1853.



Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!

Какъ часто, безильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжелой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!

Молилъ Тебя, въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахъ простерть предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слушанья рѣчи святой!

1854.

О ночной колѣнопреклонной молитвѣ Хомякова записано Ю. Ф. Самаринымъ (См. «Татевскій Сборникъ»). Хомяковъ считалъ эти стихи «самыми личными» изъ всѣхъ имъ писанныхъ.



Судъ Божій.

Гласъ Божій: „Сбирайтесь на праведный судъ,
„Сбирайтесь къ Востоку народы!“
И слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшать черезъ бурныя воды.

Спѣшать и, кровавый предчувствуя споръ,
Смятеня, волненія полны,
Сбираются,—грозный, гремящій соборъ,—
На Черное море, на синій Босфоръ.
И ропщутъ и пѣются волны.

Чреваты громами, крылаты огнемъ,
Несутся суда—и надъ ними:
Двуглавый орель съ одноглавымъ орломъ,
И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ,
И флагъ подъ звѣздами ночными.

Гласъ Божій: „Сбирайтесь изъ дальнихъ сторонъ!
„Великое время приспѣло
„Для тризны кровавой, большихъ похоронъ:
„Мой судъ совершится, Мой часъ положень,—
„Въ сраженья бросайтесь смѣло!“
„За вѣру безвѣрную, леть и развратъ,
„За гордость Царьграда слѣпую—

„Отману я даль сокрушительный млатъ,
„Громовыя стрѣлы и острый булатъ,
„И силу коварную, злую“.

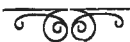
„Грозою для міра былъ страшный боець,
„Былъ карой Восточному краю;
„Но слышу Я стоны смиренныхъ сердець,
„Ломаю престоль и срываю вѣнецъ,
„И Мой бичъ вѣковой сокрушаю!“

Народы собрались изъ дальнихъ сторонъ,
Волнуются берегъ и море.
Безумной борьбою весь міръ потрясень,

И стонъ надъ землею, и на морѣ стонъ,
И плачь, и кровавое горе.

Твой судъ совершится въ огнѣ и крови.
Свершать его слѣпо народы...
О Боже, прости ихъ и всѣхъ призиви!
Исполни ихъ вѣры и братской любви,
Согрѣй ихъ дыханьемъ свободы!

Мартъ 1854.



Р о с с і и.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Черезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судить строго,—
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой

Себя слезою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли.

И встань потомъ, вѣрна призыванью,
И бросься въ пыль кровавыхъ сѣчь:
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,

Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ.

Мартъ 1854.

Это стихотвореніе, разошедшееся въ спискахъ (въ печати оно появилось лишь черезъ нѣсколько лѣтъ) пробудило негодованіе не только Петербургскихъ властей (въ особенности Наслѣдника Престола), но и многихъ Москвичей. Н. В. Арсеньева написала къ Хомякову посланіе, начинавшееся словами «Стыдись, о сынъ неблагодарный, отчизну-матерь порпцать».

Слѣдующими стихами Хомяковъ пожелалъ ослабить впечатлѣніе.



Раскаявшейся Россіи.

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты,

О, Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ:
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы.
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!

→ 186 ←

Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ.
Гроза, прекрасна—Ангель Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

1854.



Н о ч ь.

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходить сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи души землю сторожать,
Звѣзды свѣтять, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!

Въ городахъ къ заутрени звонять,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,—
О рабахъ безмысленныхъ утѣхъ!...
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный,
Такъ какъ звѣзды на небѣ горять,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

1854.



26 Августа 1856 года.

Стародомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ и громы торжества.

Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердець,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,—
Царя-избранника вѣнецъ.

Ему Господь роднаго края
Вручилъ грядущую судьбу,
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу.

Его елеемъ помазуетъ
Она святыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ!

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго Царя!

И дастъ Всевышній даръ познанья,
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ,—
Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ.

И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины....

А ты въ смиреніи глубоко́мъ
Вѣнца пріявшіи тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

Эти стихи свидѣтельствуютъ о полномъ незлобїи сочинителя,
въ Мартѣ того же 1856 года новый Государь приказалъ ему
обрить бороду и никому не читать своихъ произведеній.



Широка, необзрима,
Чудной радости полна,
Изъ воть Иерусалима
Шла народная волна.
Галилейская дорога
Оглашалась торжествомъ:
„Ты идешь во имя Бога,
„Ты идешь въ Свой царскій домъ!
„Честь Тебѣ, нашъ царь смиренный,
„Честь Тебѣ, Давидовъ сынъ!“
Такъ, внезапно вдохновенный,

Пѣлъ народъ. Но тамъ одинъ,
Недвижимъ въ толпѣ подвижной,
Школъ воспитанникъ сѣдой,
Гордый мудростію книжной,
Говорилъ съ насмѣшкой злой:
„Это-ль царь вашъ, слабый, блѣдный,
„Рыбаками окружень?
„Для чего онъ въ ризѣ бѣдной,
„И зачѣмъ не мчится онъ,
„Силу Божью обличая,
„Весь одѣянъ черной мглой,
„Пламенѣя и сверкая
„Надъ трепещущей землей?...“

И вѣка пошли чредою,
И Давидовъ Сынъ съ тѣхъ поръ,
Тайно правя ихъ судьбою,
Усмиряя буйный споръ,
Налагая на волненье
Цѣпь любовной тишины,
Миръ живить, какъ дуновенье
Наступающей весны.
И въ трудахъ борьбы великой
Имъ согрѣтыя сердца
Узнають шаги владыки,
Слышать сладкій зовъ отца;
Но въ своемъ невѣрьи твердый,

Неисцѣльно ослѣпленъ,
Все, какъ прежде, книжникъ гордый
Говорить: „Да гдѣ же онъ?
„И зачѣмъ въ борьбѣ смятенной
„Историческаго дня,
„Онъ проходить такъ смиренно,
„Такъ незримо для меня,
„А нейдетъ какъ буря злая,
„Весь одѣянъ черной мглой,
„Пламенѣя и сверкая
„Надъ трепещущей землей?...“

1858.

По прочтеніи псалма.

Земля трепещеть; по эиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судить міру:
„Израиль, Мой народъ, внимай!

Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы,
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся оміама,
И день и ночь огни горятъ.

Къ чему Мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!

Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлы безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему Мнѣ золото? Въ глубь земную
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:

Онъ тамъ кипить и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и злато
Лишь всплѣсъкъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадить дыханьемъ подь росю
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

→: 200 ←

Твой скудень даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:

Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна Мнѣ правда на судѣ!..."

1858.

Писано по поводу освященія Исакиевскаго собора.



Т р у ж е н и к ъ.

Но жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окружень,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомлень, я утомлень!

→: 202 ←

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ!
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы потъ дневнаго зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботы!..
„Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,—
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велить: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся-жь, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!“—

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣль, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него;
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

1858.



Благочестивому меценату.

(н. а. муханову).

О, мудрый другъ! Отъ странъ Полночи,
Съ побережья царственной Невы,
Ты кротко обращаешь очи
На наши темныя главы;

Ты кубокъ роскоши лѣнливой
Испилъ до дна; но ты-жь подчасъ
Рѣчами ласки небрегливой
На подвигъ поощряешь насъ.

Мудрецъ, съ улыбкой благосклонной,
За чашей хвалишь круговой
Нашъ строгій постъ, нашъ трудъ бессонный,
Плебейской вѣры быть простой.

Прими-жь привѣтъ отъ черни темной
Тобою взысканныхъ людей
И приношенье дани скромной
Ихъ благодарственныхъ рѣчей.

Прими мольбу: твоей лазури,
Твоихъ безоблачныхъ высотъ
Да не смущаютъ крылья бури
И мракъ житейскихъ непогодъ!

→ 207 ←

Да мысль желѣзною рукою
Твоей главы не тяготить,
И вѣчной да цвѣтеть весною
Румяный пухъ твоихъ ланить!

1858.



По поводу картины Иванова.

(ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА НАРОДУ).

Счастлива мысль, которой не свѣтила
Людской молвы привѣтная весна,—
Безвременно рядиться не спѣшила
Въ листы и цвѣтъ ея молодая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

И ранними и поздними дождями
Вспоенная, внезапно къ небесамъ

Она взойдетъ, какъ ночь темна вѣтвями;
Какъ ночь въ звѣздахъ, осыпана цвѣтами:
Краса землѣ и будущимъ вѣкамъ!

1858.

А. А. Ивановъ десятки лѣтъ трудился надъ своею картиною.
Государь приобрѣлъ ее и подарилъ Румянцевскому Музею.



Парусъ поднять: вѣтра полный
Онъ канаты натянулъ
И на ропщущія волны
Мачту длинную нагнулъ.

Парусъ Русскій!... Черезъ волны
Ужъ корабль несется самъ,
И готовъ всѣхъ братьевъ чолны
Прицѣпить къ крутымъ бокамъ.

→ 211 ←

Поднять флагъ: на флагъ виденъ
Правды судъ и миръ любви.
Мчись, корабль, твой путь завиденъ...
Господи, благослови!

Напечатано въ 1 №
прекращенной газеты И. С. Аксакова. «Парусъ»,
1859 г. Янв. 3-го.

— 26 —

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Высшій подвигъ въ терпѣннн,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заняло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;

Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—

Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,—

Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

1859.



Поле мертвыми костями
Все бѣлѣлося кругомъ;
Вѣтеръ билъ его крылами,
Солнце жгло его огнемъ.

Ты, пророкъ, могучимъ словомъ
Поле мертвое воздвигъ:
И одѣлись плотью кости,
И возсталъ соборъ великъ.

Но не полно возрожденье,
Жизнь проснулась не сполна:
Всѣхъ оковъ земнаго тлѣнья
Не осилила она.

И въ соборѣ томъ великомъ
Ухо чуткое порой
Слышитъ подь румяной плотью
Кости шелканье сухой...

О, чужія тайны зная,
Ты, пѣвецъ, спроси себя:
Не звенить ли кость сухая
Въ пѣсняхъ, въ жизни у тебя?...

1859.

Читано въ Москвѣ, въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Русской словесности, коего Хомяковъ былъ предсѣдателемъ.



Помнишь, по стезѣ нагорной,
Шли мы лѣтомъ: солнце жгло,
А полнеба тучей черной
Съ полуденъ заволокло.

По стезѣ песокъ горячій
Ноги путниковъ сжигаль,
А изъ тучи вихрь летучій
Капли крупныя срываль.

Быть громамъ и быть ударамъ!
Быть сверканью въ облакахъ,
И ручьямъ по крутоярамъ,
И потопамъ на дугахъ!

Быть грозъ! Но буря злая
Скоро силы истощить,
И сіяя, золотая
Зорька въ небѣ погорить;

И въ объятія кроткой ночи
Передасть покой земли,
Чтобы зорко звѣздны очи
Сонъ усталый стерегли;

Чтобъ съ Востока, утромъ рано,
Загораясь въ небесахъ,
Свѣтъ румяный зрѣлъ поляны,
Всѣ въ росинкахъ и цвѣтахъ.

И теперь, съ Полудня, темной
Тучей кроетъ небеса,
И за тишью вѣроломной
Притаилася гроза.

Гуль растеть, какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой;
Вскорѣ, векорѣ въ бранномъ спорѣ
Закипитъ весь міръ земной.

Чтобъ страданьями—свободы
Цокупалась благодать,
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;

→: 219 ←

Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ съ Востока
Грѣбеть влажный тукъ полей.

1859.

Писано передъ войною Франціи съ Австріею, въ случаѣ
распаденія которой предстояло проснуться Славянскому племени.



С п и!

Днемъ наигравшись, натѣшившись, къ ночи забылся ты сномъ;

Спи, улыбаясь, малютка: весенняго утра лучемъ
Жизнь молодая, играя, блеститъ въ сновидѣньѣ
твоемъ.

Спи!

Труженикъ, въ горести, въ радости, путь ты свершаешь земной;

Утромъ отмѣренный, къ вечеру конченъ твой подвигъ дневной.

Что-нибудь начато, что-нибудь сдѣлано,—купленъ твой отдыхъ ночной.

Спи!

Съ свѣтлымъ лицомъ засыпаешь ты, старецъ, тру-
домъ утомленъ;
Видно, какъ въ ночь погружается жизни земной
небосклонъ.
Дня замогильнаго первымъ сіянемъ ужъ твой
озаряется сонъ.

Спи!

1859.

Это послѣднее стихотвореніе Хомякова. За нѣсколько мѣ-
сяцевъ до кончины онъ говорилъ М. Сергѣевнѣ М. о предчувствіи
своей кончины, а А. И. Кошелеву выражалъ увѣренность, что
жизненный подвигъ его оконченъ.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.		Стр.
Изола Белла	5	Орелъ	49
Поэтъ	9	Русская пѣсня	52
Отвѣтъ одной дамѣ	11	Къ иностранкѣ	56
Просьба	14	Къ ней же	58
Клинокъ	20	Не горюй по лѣтвимъ ро-	
Сонъ	23	замъ	61
Прощаніе съ Адрианопо-		Жаворонокъ, Орелъ и Поэтъ	63
лемъ	26	Вдохновеніе	65
Изъ Саади	28	Двѣ пѣсни	67
Два часа	30	Элегія	69
Зима	33	Мечта	71
На сонъ грядущій	37	Ключъ	73
Думы	42	Къ Е. Н. Полтавцовой	77
Ода	45	Благодарю тебя	80

	Стр.		Стр.
Къ своей супругѣ	82	Беззвѣдная полночь	140
Островъ	86	И. В. Кирѣевскому	143
На кончину двухъ первыхъ дѣтей	91	Надпись къ картинѣ	145
Милыкѣву	94	Сербская пѣсня	147
Кіевъ	97	Кремлевская заутрени на Пасху	149
Видѣніе	103	Навуходоносоръ	152
Россіи	107	Мы родъ избранныи	157
7 Ноября 1840	113	Воскресеніе Лазаря	160
На перенесеніе Наполеонова праха	116	Вечерняя пѣсня	162
Еще о немъ	123	Не гордись передъ Бѣлгра- домъ	164
Nachtstück	125	Звѣзды	166
Сумракъ вечерній	127	Вставайте! Оковы распались	169
Richterspruch—Ritterspruch	129	Жаль мнѣ васъ	172
Давидъ	132	Какъ часто во мнѣ пробуж- далась	174
Въ альбомѣ В. В. Ганкѣ	139		

III

	Стр.		Стр.
Судь Вожій	176	Благочестивому меценату .	205
Россіи	180	По поводу картины Иванова	208
Раскавшейся Россіи	184	Парусъ	210
Ночь	187	Подвигъ есть и въ сраженъи	212
26 Августа 1856 года	189	Поле мертвыми костями . .	214
Широка, необозрима	193	Помнишь, по стезѣ нагор-	
По прочтеніи псалма	197	ной	216
Труженикъ	201	Спи!	220

